

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 17:930(2)

ББК 87.3(2)522-685

Борис Вадимович Межуев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, Россия, Москва, e-mail: borismezhuев@yandex.ru

Первое издание «Оправдания добра» (1897 г.): отклики современников. Часть четвертая

Аннотация. Статья продолжает систематическое рассмотрение и анализ газетных и журнальных откликов на первое издание основного труда Вл. Соловьёва по нравственной философии «Оправдание добра» (1897 г.). В четвертой части настоящего цикла статей рассматриваются критические атаки на эту книгу со стороны представителей левого, преимущественно народнического, лагеря российской печати и общественной мысли. Подробно рассматриваются развернутые критические суждения постоянного обозревателя газеты «Новости», литературного критика Е.А. Соловьёва, анонимный отклик, опубликованный в журнале «Русская мысль», а также отзывы философа-позитивиста П.В. Мокиевского в «Русском богатстве» и религиозного идеалиста А.Л. Вольнского в «Северном вестнике». Отмечается, что главной тональностью «левой» критики было обвинение философа в том, что он встал на позицию конформистского приятия государства и церкви в их существующих формах. На основании всех перечисленных откликов делается вывод, что никто из вышеупомянутых критиков не постарался разобраться в существе воззрений Вл. Соловьёва и для большей части «левых» критиков было неприемлемо любое соотнесение философии с религией, во всяком случае в ее традиционных формах. Утверждается, что определенные возражения критиков Вл. Соловьёва слева против его концепции нравственной философии не были лишены убедительности, что философу пришлось учесть при втором издании своего труда.

Ключевые слова: нравственная философия, народничество, экономический материализм, религиозная философия, нравственный идеализм

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьёва», 29–30 сентября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

Boris Vadimovich Mezhuev

Lomonosov Moscow State University, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Senior Fellow of Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russia, Moscow, e-mail: borismezhuев@yandex.ru

The First Edition of "The Justification of Good" (1897): Contemporaries' Response. Part 4

Abstract. The article continues the systematic review and analysis of newspaper and magazine responses to the first edition of the main work of V. Solovyov on moral philosophy "Justification of Good" (1897). The fourth part of this series of articles examines critical attacks on this book by representatives of the left, presumably Populist camp of the Russian press and public thought. It describes in detail critical responses of such authors as the regular columnist of the newspaper "Novosti", literary critic Evgeny A. Solovyov, an anonymous review published in the journal "Russian Thought", the reviews by the positivist philosopher Pavel V. Mokievsky in "Russkoe bogatstvo" and by the religious idealist Akim L. Volynsky in the "Severnyi vestnik". It is noted that the main tone of criticism from the left was the assertion that the philosopher took the position of a conformist acceptance of the state and the church in their existing forms. Based on the consideration of all the above responses, the article concludes that none of the aforementioned critics tried to understand the essence of V. Solovyov's views. For most of the left-wing critics, any correlation of philosophy with religion, at least in its traditional forms, was unacceptable. It is argued that certain objections of V. Solovyov's critics on the left against his concept of moral philosophy were not without persuasiveness, which the philosopher had to take into account in the second edition of his work.

Key words: moral philosophy, populism, economic materialism, religious philosophy, moral idealism

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.006-022

Критика «слева»: «Новости», «Русская мысль», «Русское богатство» и «Северный вестник»

Цикл публикаций Вл. Соловьева по нравственной философии был предметом острой критики со стороны публицистов левого лагеря с момента выхода в июле 1895 года скандально знаменитой статьи «Смысл войны» в Литературных приложениях к журналу «Нива»². Вл. Соловьев придал нападкам слева новый импульс, когда в декабре 1896 года на страницах «Вестника Европы» выступил с полемической статьей (статья позднее вошла в состав ОД³ в качестве отдельной главы⁴) против экономического материализма. В споре с набиравшим в те годы популярность марксизмом Вл. Соловьев рассчитывал на вза-

²См.: Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны» // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 32–58 [1].

³ Здесь и далее ОД – обозначение сочинения В.С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» в его первой редакции (СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897).

⁴ Соловьев Вл. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. Кн. № 12, Декабрь. С. 536–569 [2].

имопонимание оппонентов социал-демократов – народников и либералов. Однако он не был поддержан ни теми, ни другими. Народнические издания – «Русская мысль» и «Русское богатство» – в целом симпатизировали экономической концепции Маркса, считая верным содержащийся в ней анализ законов буржуазного общества и не соглашаясь лишь с тезисом о неизбежности капитализма для России.

Ведущие либеральные издания, например издаваемые О.К. Нотовичем «Новости и Биржевая газета», также не были готовы заступиться за философа в его борьбе с материалистическим мировоззрением. 20 декабря 1896 года, примерно за месяц до выхода в свет «Оправдания добра», с большим текстом, касавшимся всего цикла статей Вл. Соловьёва по нравственной философии, но содержащим непосредственную реакцию на опубликованную на страницах декабрьского выпуска «Вестника Европы» статью «Экономический вопрос с нравственной точки зрения», выступил постоянный обозреватель «Новостей» Е.А. Соловьёв, который писал в газете под псевдонимом Скриба⁵. Отметим, что именно Е.А. Соловьёв, точнее, его фельетон (июль 1891 г.), посвященный творчеству позитивиста Е.В. Де Роберти, с комплиментарными оценками Вл. Соловьёва, был причиной прекращения сотрудничества философа с газетой «Новости». Фельетон вышел не под тогдашним постоянным псевдонимом Е.А. Соловьёва Скриба, но с подписью S, один раз использованной Вл.С. Соловьёвым в той же газете. Фельетон был приписан в петербургских кругах перу Вл. Соловьёва, и этот неприятный для репутации философа слух потребовал специального опровержения на страницах «Новостей»⁶.

Новая статья Е.А. Соловьёва содержала довольно грубые нападки на философа, автор в очень откровенной форме разъяснял, почему своими новыми текстами Вл. Соловьёв разочаровывает либерального читателя, некогда восторженно принявшего его полемику со славянофилами. По утверждению публициста, отвлеченные вопросы философского характера мало волнуют публику, интересующуюся только практическими выводами из отвлеченных рассуждений: «Мы простим недочет в рассуждениях, даже не заметим его, но самая блестящая логическая диссертация на далекую от жизни тему не произведет на нас ни малейшего впечатления» [3, с. 2]. Из дальнейшей части текста становилось ясным, что проблема состояла не столько в теоретической отвлеченности текстов Вл. Соловьёва по нравственной философии, сколько в том, что, в отличие от антиславянофильских статей, составивших «Национальный вопрос в России» (1883–1891 гг.), они не вписывались в партийную линию, близкую газете. Иронически упомянув аскетические рекомендации Вл. Соловьёва и его сложную игру с «византизмом», Скриба очень зло задел и тот пункт воззрений фи-

⁵ См.: Скриба [Соловьёв Е.А.] Литературная хроника // Новости и Биржевая газета. 1896, 19-го декабря. № 350. С. 2–3 [3].

⁶ См.: Новости и Биржевая газета. 1891, 16 июля. № 194. С. 2 (сообщение «От редакции»), а также С. 3 (разъяснение этого сообщения в рубрике Русская печать) [4].

лософа, который касался нравственных отношений человека с его предками. В изложении критика «Новостей» эти идеи Вл. Соловьева приобретали совершенно карикатурный характер: «Вся суть сводится к тому, чтобы “Боженька” позволил дедушке жить вместе с нами и наслаждаться реформами валюты. Иначе, разумеется, ровно ничего не выйдет. Вся суть в дедушке. Он начало и конец. Раз дедушка на небе скажет: “все хорошо” – значит – все действительно благополучно. Но без дедушки, мм. г., ни шагу, иначе вы впадаете в величайший грех – в пренебрежение своими предками. А это знаете – как отзывается? – очень больно» [3, с. 2]. Столь же беспощадно ироничен был Скриба и в отношении того, что Вл. Соловьев писал о проблемах брака и деторождения. Переходя в заключительной части своей статьи к разбору экономических воззрений философа, обозреватель «Новостей» бросал будущему автору «Оправдания добра» обвинения в «самодовольстве» и «догматичности»⁷.

После выхода в свет ОД в первой книжной ее редакции Соловьев-Скриба посвятил труду своего однофамильца два выпуска своей Литературной хроники: эти тексты появились на страницах газеты с недельным интервалом (20 и 27 марта 1897 года). Название статьи «Оправдание добра» В.С. Соловьева – отсылало к заглавию соловьевской книги: каждая из двух частей была разделена на параграфы, причем только первый и последний из них имели названия, другие были просто отмечены латинскими цифрами⁸. Первый параграф первой части статьи назывался «Оправдание войны», последний параграф второй части – «Упования» (в обоих случаях вынесенные в заглавие слова были поставлены в кавычки). Стилистическая несобранность, неоднократное повторение одной и той же мысли, не всегда уместная ирония, развязная интонация – все это составляло характерный стиль данного обозревателя, и данная рецензия в этом смысле исключением не являлась. При этом нельзя сказать, чтобы в рецензии не было острых критических замечаний, и, может быть, самое сильное из них касалось темы «оправдания войны». Помимо общих претензий к этой главе моралистического толка, в которых Скриба совпадал, в том числе, с Н.Я. Гротом, критик подвергал соловьевскую апологию войны логико-исторической деконструкции. Скриба отмечал, что Вл. Соловьев не столько защищает войну с точки зрения морали, сколько оправдывает ее как историческое явление, считая вооруженные столкновения явлением необходимым для установления нравственного

⁷ По мнению Е.А. Соловьева, общественный интерес к философии Вл. Соловьева был тесно связан с судьбой славянофильства: автор «Критики отвлеченных начал» привлек внимание публики как крупнейший философ этого течения, а затем заслужил признание либералов как отступник из рядов славянофилов и их сильнейший противник. Самостоятельные воззрения мыслителя, не попадающие однозначно ни в либеральную, ни в консервативную парадигмы, оставляли широкого читателя в недоумении.

⁸ См.: Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 20 марта. № 78. С. 2–3 [5]; Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 27 марта. № 85. С. 2 [6].

миропорядка в обществе. По мнению Скрибы, Вл. Соловьев фактически выдает одно за другое, смешивая разные формы оправдания: «Если даже война (что несомненно) – *реально необходима* и фактически полезна (за неимением лучшего), то все же *нравственного* смысла она не имеет и иметь не может. Она безнравственна и по существу своему, как бесспорное и страшное зло. <...> *Полезные следствия войны не имеют решительно никакого отношения ни к ее смыслу, ни к ее бессмыслице.* <...> *То, что исторически необходимо, не может иметь ни нравственного, ни безнравственного смысла.* Совершенно достаточно и того, что оно необходимо. Требовать большего можно лишь от сознательной деятельности человека или человечества, а не от стихийных процессов – как солнечное затмение, как война, которая до сей поры всегда была стихийной» [5, с. 2]. По ходу текста Скриба несколько раз возвращался к этой мысли, иллюстрируя ее различными примерами: «Говорю не в обиду г-ну Соловьеву, а просто констатирую факт: желая все оправдать, он невольно оказался вынужденным прибегнуть к приемам Макиавелли. “Раз то-то и то-то *выгодно* для нравственного прогресса – оно имеет нравственный смысл”. На это я могу ответить: раз масло, охра и холст послужили материалом для создания Сикстинской Мадонны – они, значит, прекрасны сами по себе» [5, с. 3].

Вполне возможно, что Е.А. Соловьев (Скриба) ориентировался в своих возражениях Вл. Соловьеву на концепцию критического историзма, которая представлена, в частности, в «Исторических письмах» (1868–1870 гг.) П.Л. Лаврова (П. Миртова). Согласно этой теории, история разделяется на два периода – по Лаврову, на культуру и цивилизацию. Лишь на стадии последней появляется «критическая мысль», а это означает, что прежде, «стихийное» отношение к жизни сменяется «сознательным», основанным на разуме и моральном сознании. Даже если считать «стихийный» период истории необходимым, эта необходимость не может быть перенесена в новую эпоху, в которой главным действующим лицом и фактором прогресса является критическое сознание. В прошлом войны, может быть, и были неизбежными, но прошлое кончилось, и поэтому многие феномены этого прошлого лишились своего оправдания. Доводы Скрибы можно было бы считать вполне убедительными, если бы в главе XV ОД философ не разяснял, когда и при каких условиях войну можно считать пережитком прошлого. По мнению Вл. Соловьева, ясно выраженному в книге, войны между европейскими державами и в самом деле не имели оправдания, но война могла сохранять свое значение для истории в силу еще не преодоленных противоречий между Востоком и Западом, в первую очередь между Китаем и Европой. Вот эту историческую конкретизацию Вл. Соловьевым апологии войны Скриба предпочел не заметить.

В целом Е.А. Соловьев оценил «Оправдание добра» как «роскошно изданную и мастерски написанную» религиозную проповедь, которую ни в коем случае нельзя назвать философией, «тем менее научной философией» [5, с. 3]. Скриба несколько раз в своей статье именовал соловьевский труд «стихотворениями в

прозе», а в завершение своего отклика выражал недоумение, почему Вл. Соловьев «назвал свою книгу нравственной философией, а не “нравственными упованиями”». Скриба подчеркивал, что все доводы Вл. Соловьева сохраняют свое значение только для верующих людей и не имеют такового для людей, лишенных веры: «Если вы человек верующий, вы согласитесь почти со всем, если вера ваша слаба – вы не согласитесь ни с чем» [6, с. 2]. Скриба довольно пространно излагал взгляды Вл. Соловьева на аскетизм и его политэкономические воззрения, но исключительно для того, чтобы столь же иронически отнестись к ним как к несколько наивным представлениям верующего в торжество добра в мире романтика⁹. В целом общий смысл рецензии просматривался в следующем пассаже: «*Вера* – вот слово, которое может служить ключом к пониманию всей нравственной философии г-на Соловьева, и если вы не удовлетворяетесь доказательствами, то подумайте лишь о том, что перед вами человек верующий, и все станет для вас ясным, ваши возражения отпадут сами собою, так что же можно возразить верующему, преисполненному торжественного и торжествующего настроения?» [6, с. 2].

Впоследствии Е.А. Соловьев еще несколько раз обращался к творчеству своего великого однофамильца. Так, в частности, под псевдонимом «Андреевич» он написал ерническую рецензию на «Повесть об антихристе», назвав все написанное в ней «ахинеей»¹⁰. Он сопроводил свой текст не лишённой злобного остроумия пародией о китайском (sic!) чиновнике Антоне Антоновиче Антонове, под влиянием повести Вл. Соловьева вообразившем себя «антихристом» и с целью удостовериться в этом предположении выбросившемся из окна¹¹. Чиновника удержала в воздухе некая сила, которая оказалась крюком, за который зацепились его штаны. Спустя шесть месяцев после появления этой пародии Е.А. Соловьеву пришлось посвятить скончавшемуся в июле 1900 года Вл. Соловьеву один из своих «Очерков текущей русской литературы», которые он публиковал в марксистском журнале «Жизнь»¹². Критик дал покойному мыслителю пару лестных характеристик, особо отметив его литературный талант и чистоту нравственных помыслов. Андреевич даже выразил благодар-

⁹ Ср. еще более резкую оценку этических воззрений Вл. Соловьева в другой статье того же автора: «Не смехотворен ли и Влад. Серг. Соловьев, оправдывающий войну и видящий в Византии идеал государственного устройства и отрицающий закономерность экономической эволюции на том основании, что “стоит домовладельцам захотеть и сбавить квартирную плату – и нет квартирного вопроса; стоит предпринимателям захотеть и поделиться барышами – и нет рабочего вопроса!..”» (см.: Андреевич (Соловьев Е.А.) Книга о Максиме Горьком и А.П. Чехове. СПб., 1900. С. 171–259 [7]. Цит. по: Соловьев Е.А. (Андреевич) Антон Павлович Чехов. Критический очерк [Электронный ресурс] // А.П. Чехов: pro et contra. М.: Изд-во РХГА, 2002. Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/upload/main/14_Solovjev.pdf [8].

¹⁰ См.: Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Об антихристе и других странных вещах и между прочим об «Истории новейшей русской литературы» А.М. Скабичевского // Жизнь. 1900. № 3. С. 307 [9].

¹¹ Там же. С. 308–311.

¹² См.: Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Владимир Сергеевич Соловьев // Жизнь. 1900. № 9. С. 376–398 [10].

ность философу за то, что он отстаивал «остатки *гражданской* порядочности» в период «погрома интеллигенции» в 1880-е – начале 1890-х годов¹³. Однако в целом отношение Е.А. Соловьёва к автору «Оправдания добра» не поменялось: Вл. Соловьёв слишком запятнал свою репутацию в глазах критика «ненужными» прогрессивной общественности аскетическими и религиозными проповедями, умственными исканиями, далекими от практической политики, и слишком благосклонным отношением к войне, государству и уголовному кодексу. Философ был представлен в этом большом некрологе «человеком не от мира сего, странно и ненужно взявшимся за перо публициста»¹⁴. Нужно признать, что критик «Жизни» верно почувствовал, что позднее «государственничество» Вл. Соловьёва, его заметное поправление в 1890-е годы объяснялось, в том числе, и надеждами на приход нового монарха: с некоторой долей проницательности (хотя и весьма пристрастной) Андреевич отмечал, что «все последние годы (приблизительно с 1894 г.) огромной и усиленной умственной работы Соловьёва ушли на то, чтобы ввести самосовершенствование в разумные границы. <...> Особенно усердно Соловьёв защищал три явления, обеспечивающие современному государству его безопасность и устойчивость его жизни. Это – война, уголовный кодекс и догма. Вопрос о войне беспокоил его больше всего. Оправдав ее в своем “Оправдании”, он посвятил ей еще “Три разговора” – целую книгу, в литературном отношении представляющую из себя вероятно самое блестящее из всего написанного Соловьёвым» [10, с. 395]. Самим указанием на дату (1894 г.) Е.А. Соловьёв в завуалированной форме – но без вежливых расшаркиваний и дружеских оговорок – выражал то, что думали о Соловьёве не только левые радикалы, но и многие либералы того времени. Многие из них тайно сокрушались о том, что философ в 1890-е годы по непонятным (но едва ли эгоистическим) причинам поверил в то, что новое царствование будет коренным образом отличаться от предыдущего и вновь стал убежденным апологетом имперской государственности, которую ранее подвергал жесткой и нелицеприятной критике.

Через месяц, в мае 1897 года, в лево-народнической и к 1897 году уже полумарксистской «Русской мысли» вышел обстоятельный и внимательный разбор ОД. Вл. Соловьёв имел основание считать себя постоянным сотрудником журнала еще в конце 1894 года, но впоследствии у него возникли серьезные разногласия с редактором В.А. Гольцевым, что явилось причиной фактического прекращения сотрудничества Вл. Соловьёва с этим изданием. Анонимный отклик, написанный, вероятно, именно В.А. Гольцевым, начинался и завершался высокими оценками и самого автора, и его труда¹⁵. Книге Вл. Соловьёва предрекалась весьма грустная судьба: рецензент не скрывал, что сочине-

¹³ См.: Андреевич <Е.А. Соловьёв> Очерки текущей русской литературы. С. 376.

¹⁴ Там же. С. 377.

¹⁵ См.: «Оправдание добра» Вл. Соловьёва – Философия – Библиографический отдел // Русская мысль. 1897. Май. № 5. III паг. С. 205–211 [11].

ние философа, «горячего поборника всего гуманного и прогрессивного», не будет иметь успеха у читателей, чему виной ее слишком очевидные, по мнению рецензента, «субъективные основания» и «шаткие предпосылки»¹⁶. Проще говоря, этике Вл. Соловьева осторожно и завуалированно (по цензурным соображениям) ставилась в вину ее «тесная связь с религией», причем с религией именно христианской. Любое сомнение в вере и, соответственно, сомнение в «абсолютности и правоте добра», по мнению автора «Русской мысли», лишало соловьевскую этику оснований¹⁷. Главное возражение, которое делал рецензент, сводилось к указанию на так называемую «онтологическую ошибку», то есть на недопустимый с философской точки зрения переход от факта нравственного чувства к «трансцендентальной сфере объективных сущностей», невозможность утверждения реальности духовной природы человека на основании чувства «стыда», «реальной солидарности всех существ» на основании «жалости», высшего трансцендентного начала посредством «благоговения». По мнению критика, все эти чувства «вполне объяснимы как факты производные и вторичные, как продукты социальности»¹⁸.

Помимо этого главного возражения, анонимный критик, явно придерживающийся материалистических или во всяком случае позитивистских взглядов на нравственность и ее происхождение, высказывал и целый ряд мелких замечаний, в иных случаях довольно остроумных. Иронически обыгрывая ход рассуждений Вл. Соловьева в его опровержении пафоса пессимистов с помощью указания на неготовность мыслителей этого направления отказаться от жизни на основании теоретических аргументов о бессмысленности жизни, критик считал возможным подвергнуть сомнению и мораль жесткого аскетизма на основании «фактического утверждения половых сношений»¹⁹. Критику был явно не симпатичен слишком большой акцент, который делал автор «Оправдания добра» на «благоговейном отношении детей к родителям». В отличие от Вл. Соловьева, он полагал, что «живой отец, который отправляет все низшие функции, терпит обиды, делает зло, болеет и страдает, не может надолго питать религиозное чувство своего сына», а «чувство зависимости детей от родителей имеет провизорный характер, как и чувство всякой зависимости – и в жизни отдельной личности, и в жизни человечества оно с течением времени все слабеет и слабеет»²⁰. Чуть ниже, в конце своей рецензии, излагая содержание заключительной главы книги о «нравственной организации человечества», обозреватель «Русской мысли» отмечал, что Вл. Соловьев «сильно преувеличивает значение связи между отжившими предками и живущими потомками, придавая ей какой-то мистический характер, в котором она совершенно не нуждается: ис-

¹⁶ См.: <<Оправдание добра> Вл. Соловьева> – Философия – Библиографический отдел. С. 211.

¹⁷ Там же. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 207.

¹⁹ Там же. С. 208.

²⁰ Там же. С. 209.

тория и без того связывает между собою отдельные поколения, и ни одно из них не заслуживает посылаемого г. Соловьёвым упрека в неблагодарности»²¹. Рецензент подвергал сомнению и те аргументы, которые использовал философ в полемике с эвдемонизмом и утилитаризмом, считая, что Вл. Соловьёв напрасно отказывает большинству людей в способности к умственным и духовным удовольствиям²². Нелогичным и внутренне противоречивым он считал также представление философа об эволюции нравственности в истории, которое сложно сочетается с постулированием «абсолютного добра». Впрочем, то же «абсолютное добро» в его вечном конфликте с «формами жизни» оказывалось, с точки зрения «Русской мысли», причиной неспособности философа в рамках его мировоззрения достичь «полного синтеза юридического и этического»²³.

Критик лишь кратко останавливался на двух самых неприятных для левой среды пунктах соловьёвского мирозерцания, отразившихся в его книге, а именно: осуждении социализма в лице «экономического материализма»²⁴ и «оправдании войны». В противоречие со своим декларированным релятивизмом автор говорил об абсолютном значении человеческой личности и, соответственно, о том, что война в этом отношении представляет «абсолютное зло»: «Относительного зла метафизически нет, есть одно роковое, необъятное зло, и одним из его страшнейших проявлений служит война. Она может повлечь за собою, по-видимому, благоприятные результаты, но зло войны от этого не уменьшается» [11, с. 211]. По существу, критик «Русской мысли» использовал против Вл. Соловьёва тот же набор возражений, что и другие публицисты народнического направления. Однако в силу давних личных отношений автора «Оправдания добра» с журналом и его редактором эти критические замечания смягчались положительными оценками личности философа, его творческих способностей и гуманного духа общественных воззрений.

Гораздо более резким был разбор «Оправдания добра» в другом ведущем издании левых народников – петербургском журнале «Русское богатство». В октябрьском номере журнала с откликом на книгу выступил врач и публицист П.В. Мокиевский, регулярный обозреватель философской литературы на страницах издания, мыслитель, имя которого ныне овеяно неким таинственным флером, который за отсутствием конкретных источников мы не можем ни

²¹ См.: <«Оправдание добра» Вл. Соловьёва> – Философия – Библиографический отдел. С. 211.

²² Там же. С. 209.

²³ Там же. С. 210.

²⁴ Здесь анонимный обозреватель в более вежливой форме повторял ранее высказанный на страницах того же журнала упрек Вл. Соловьёву «в недостаточном знакомстве с тем направлением, которое он старается разбить», и ошибочном сопоставлении «экономического материализма» и социализма с «плутократией» на основании их общей эконоцентричности. Обозреватель выражал изумление тем, что Вл. Соловьёв может высказывать такого рода претензии, как будто не ведая, «что через материальное утверждение личности надо пройти, чтобы достигнуть духовного» (см.: <«Оправдание добра» Вл. Соловьёва> – Философия – Библиографический отдел // Русская мысль. 1897. Май. № 5. III паг. С. 210–211).

укрепить, ни развезть²⁵. По своей тональности и общим характеристикам отклик совпадал с теми оценками нравственной философии Вл. Соловьева, которые семью месяцами ранее были высказаны Е.А. Соловьевым на страницах «Новостей»: труд Вл. Соловьева – это не наука и не философия, а своего рода «художественное творчество». Вл. Соловьев «не исследует, а живописует», утверждал П.В. Мокиевский²⁶. Однако, в отличие от Е.А. Соловьева (Скрибы), обозреватель «Русского богатства» предпочел сосредоточиться не на той части книги, которая касалась вопросов общественной жизни, а на теоретических положениях изложенного в ней этического учения. Из прикладных вопросов Мокиевский остановился подробно только на экономических воззрениях Вл. Соловьева и его критике марксизма.

Аргументы против теоретических положений нравственной философии Вл. Соловьева, выдвинутые критиком, различались в качестве и весомости. Наверное, самое сильное из этих возражений: в книге ничего не говорится о том, что сближает три нравственных чувства – стыд, жалость и благоговение, что заставляет отнести их к единой или, как подчеркивал Вл. Соловьев, «триединой», идее «добра»²⁷. Критик и в самом деле сумел нащупать уязвимое место соловьевского трактата: по какой-то причине философ в первом издании книги отказался придерживаться собственного, составленного ранее плана, согласно которому за выделением эмпирических предпосылок нравственности должна была следовать дедукция самого понятия «добра» или определение «чистой нравственной воли», которая позволила бы объединить «стыд, жалость и благочестие» каким-то общим принципом, специфичным именно для сферы «нравственности».

Но уже вполне софистическим выглядело рассуждение П.В. Мокиевского о том, что Вл. Соловьев, разделяя «стыд», «жалость» и «благоговение» в зависимости от приложения идеи «добра» к «низшему», «равному» и «высшим» началам, не дает ясного понимания, «в чем заключается мерило возвышенности» в этой системе и что такое «абсолютно ценное, количеством которого определяется достоинство явлений»²⁸. Добиваясь от Вл. Соловьева предельной четкости понятий, Мокиевский иронически предлагал философу ответить на вопрос, кем в его системе мог бы считаться прародитель зла – «высшим» или «равным» началом – и, соответственно, чем должен руководствоваться человек по отношению к нему – жалостью или религиозным чувством.

В отличие от других критиков Вл. Соловьева как в «левой», так и в «пра-

²⁵ Здесь и далее цит. по: Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева. СПб., 1897) // Русское богатство. 1897. № 10. II паг. С. 34–52 [12]. О личности П. Мокиевского см.: Колмаков В.Б. Ценность жизни в русском позитивизме. П.В. Мокиевский, И.И. Мечников // Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2016. № 1. С. 22–40 [13].

²⁶ См.: Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева). С. 38.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 44.

вой» печати, Мокиевский фокусировал свое внимание на центральном пункте этической системы «Оправдания добра» – на проблеме «стыда». Мокиевский сразу же отклонил исходную антропологическую гипотезу Вл. Соловьева о том, что у полового стыда нет иных рациональных причин, кроме чисто метафизической – отвержения человеком природно-материального начала в себе, стремления, по выражению самого философа, «оттолкнуться» от этого начала. Критик утверждал, что одежда, согласно «бесчисленным показаниям путешественников и исследователям первобытной жизни», «возникла как украшение, а отнюдь не под влиянием стыдливости»²⁹. Впрочем, не ограничиваясь этим достаточно слабым возражением, не подкрепленным в тексте рецензии ссылкой на какой-либо солидный авторитет в области наук о человеке, Мокиевский обнаруживал и реальные логические противоречия в соловьевской концепции. Он полагал, что «отталкивание» от материальной природы не служит доказательством сверхматериальности, сверхприродности человека, поскольку «отталкиваться» друг от друга могут лишь родственные, однотипные явления³⁰. С другой стороны, сам факт материальности еще не является основанием для столь сложного чувства, каким является стыд: так, не сложно заметить, что вменяемый человек не испытывает «геометрического» стыда в отношении пребывания в физическом – тоже, несомненно, материальном – пространстве³¹. Поводом для еще одной иронической реплики в адрес философа-идеалиста стало замечание Вл. Соловьева, о том, что никакая проповедь полового воздержания не прекратит размножения. Из этого замечания Мокиевский делал остроумный вывод, что сам автор «Оправдания добра» не верит в реализацию своих аскетических установок: «проповедник аскетизма утешает себя мыслию, что, к счастью, его проповедь не может быть особенно успешною, и в то же время, находя, что «смена поколений» теперь еще необходима, он все-таки порочит творцов этой необходимой смены, хотя и порочит-то он их только потому, что убежден, что они не испугаются его порицаний и не прекратят *«преждевременно»* «смену поколений!»»³². Отклик П.В. Мокиевского был наполнен подобными сардоническими уколами в адрес тех или иных неудачных выражений или пассажей «Оправдания добра», чаще всего выдающих романтический характер мирозерцания автора этой книги: рецензент насмехался над «самодовольством камней», призывом аскетически регулировать дыхание, рекоменда-

²⁹ См.: Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева). С. 37–38.

³⁰ Там же. С. 40–41.

³¹ «Почему же человек не имеет, так сказать, геометрического стыда? Почему он не стыдится “похоти” материальной своей природы, желающей непременно занимать пространство о трех измерениях, подобно какому-нибудь «самодовольному камню»? Некоторые великие мистики имели даже и этот геометрический стыд: они стыдились своей телесности. Но г. Соловьев не решается идти так далеко: в качестве уступки нашему материалистическому времени он готов обнаружить геометрическое бесстыдство...» [12, с. 49].

³² Там же. С. 50.

цией «с любовью воспитывать природу» [12, с. 51–52]. Завершал публицист свой этюд издевательской просьбой Вл. Соловьеву «написать устав института для воспитания благородных гор» [12, с. 52].

Рецензия П.В. Мокиевского, вероятно, должна была серьезно задеть Вл. Соловьева, который тем не менее предпочел оставить ее без ответа, вероятно, потому что наряду с многочисленными софизмами и насмешливыми выпадами в ней содержались и серьезные возражения против теоретических оснований нравственной философии «Оправдания добра», в частности указание на реально отсутствующий в ней пункт – представление о том, что объединяет стыд, жалость и благоговение и заставляет отнести их к одной категории чувств. Как и в целом симпатизировавший Вл. Соловьеву Н.М. Соколов, П.В. Мокиевский не без оснований отмечал наличие в книге отдельных пассажей, выдающих причастность автора к неким мистическим тайнам, которые он тем не менее не считал нужным сообщить читателям³³. От этих довольно существенных критических замечаний нельзя было просто отмахнуться утверждением об их сравнительно малом отношении к сути дела. Возможно, понимание весомости подобного рода возражений и стало одной из причин возвращения Вл. Соловьева к работе над книгой и выхода в свет в 1898 году ее новых глав, содержащих, в том числе, попытку определить то, что объединяет стыд, жалость и благоговение.

Впоследствии, после смерти Вл. Соловьева, П.В. Мокиевский несколько раз в своих статьях упоминал и покойного философа, высоко оценивая его литературный дар, и свою статью о нем. Общий вывод философа-позитивиста по сути остался прежним: религия уже не может ничего дать философии и даже такие одаренные от природы люди, как Вл. Соловьев, не смогли внести ничего нового в сокровищницу мировой мысли: «Что сделал гордость и краса этого направления, сам Владимир Соловьев? Повторил спустя более чем 16 веков, философию Плотина и повторил ее, вдобавок, после того, как ее повторили уже и Баадер, и Шеллинг. Правда, он сделал это повторение в блестящей литературной форме, но этого еще недостаточно для настоящего творчества». «Религиозное творчество, – делал вывод критик «Русского богатства», – очевидно, иссякло. Не только у нас, но и нигде, во всем цивилизованном мире мы не можем найти ничего мало-мальски оригинального и интересного в области религиозной мысли ...»³⁴.

Если в «правом» лагере, прежде всего в отклике «Московских ведомостей», Вл. Соловьеву приписывалось стремление нанести удар по существующим формам церкви и государственности с помощью аргументов нравственно-

³³ «К этому нужно еще добавить, что в его книге, время от времени, попадаются места, которые как бы указывают на то, что автору доступно высшее, таинственное видение, которое, конечно, добывается не путем кропотливых научных исканий» [12, с. 42].

³⁴ См.: Мокиевский П.В. К характеристике современных течений (Николай Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1908) // Русское богатство. 1908. № 2. II паг. С. 71 [14].

го и религиозного характера, то в лагере «левом» его упрекали как раз за «охранительство» и отказ бросить вызов наличной действительности от имени высших идеалов. Здесь в первую очередь снова выделяется позиция «Северного вестника». Регулярный обозреватель этого издания критик А.Л. Волынский, который ранее предельно жестко отозвался на две статьи Вл. Соловьёва из его цикла публикаций по нравственной философии, поместил отклик на отдельное издание «Оправдания добра» только в конце 1897 года, в ноябрьском выпуске журнала³⁵. Одну из своих регулярных «Литературных заметок», так и озаглавленную «Оправдание добра», А. Волынский посвятил критическому разбору вышедшего примерно 11 месяцев назад соловьёвского трактата, который критик в самых первых строках своего сочинения называл полупрезрительно «собранием статей»³⁶. В отличие от других критиков слева, Волынский стоял с Вл. Соловьёвым примерно на одних метафизических позициях: религиозность сама по себе не должна была казаться ему признаком реакционности, напротив, государственничество Вл. Соловьёва представлялось Волынскому отступлением от идеализма и подлинного христианства. Философ, по мнению его критика, не дотягивал до подлинно нового религиозного сознания, наилучшим образом представленного самим Волынским и отчасти его коллегами по «Северному вестнику», и оставался в плену старых форм.

Смысловое содержание рецензии Волынского можно условно разделить на две части. Первая была наполнена уничижительными характеристиками сочинения Вл. Соловьёва и всей его философской деятельности в целом. Другая содержала попытку концептуального спора с философскими взглядами Вл. Соловьёва в виде теоретического и нравственного противопоставления его религиозному мировоззрению собственного кредо, которое критик называл «идеалистическим». Волынский повторял все свои прежние инвективы против Вл. Соловьёва, добавляя к ним новые. По словам критика «Северного вестника», мысли философа, «довольно туманные, с оттенком школьного богословия, никогда не представляют настоящего внутреннего единства»³⁷. Вообще вся карьера мыслителя являет нам картину его неуклонной идейной и творческой деградации: «Незаметно для себя, г. Соловьёв, начавший свою деятельность некоторыми довольно смелыми заявлениями, не лишенными вдохновенной самобытности, сделался выразителем мертвенно-банальных программ и теорий. От прежнего молодого писателя, подававшего надежды в области науки, остался только притязательный журналист с публицистическими приемами обычного типа» [15, с. 290]. Далее Волынский указывал на то, что «поблек» и «потерял свою густую окраску» даже стиль Вл. Соловьёва, что в его текстах «длинные фразы с тяжеловесными составными словами» прерываются «вульгарными са-

³⁵ Здесь и далее цит. по: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра» // Северный вестник. 1897. № 11. I паг. С. 289–297 [15].

³⁶ См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 289.

³⁷ Там же.

тирическими выходками», а «ничтожные литературные писания выдвигаются в один ряд с классическими трудами философов и отцов церкви»³⁸. В более туманных, чем в прежних критических статьях, выражениях Волынский намекал на фальшивый либерализм Вл. Соловьева³⁹. Бросалось в глаза и такое замечание: в своих как бы философских текстах автор «Оправдания добра» «иногда сражается с демоническими силами, с самим Сатаной, придавая ему в своих отвлеченных рассуждениях черты почти наглядной реальности» [15, с. 289]. В общем и целом вывод Волынского по поводу всей поздней философской деятельности его оппонента был однозначно отрицательный: «Невызискательная публика, не приученная к серьезным идейным рассуждениям, наверное, сочтет за философию и оригинальное умственное построение этот византийский состав из практического богословия и полновластной государственности» [15, с. 290].

Вслед за П.В. Мокиевским Волынский делал акцент на том, что «книга о добре» обошлась «без предварительного анализа самой идеи добра с ее философской стороны»⁴⁰. Однако, в отличие от старавшегося держаться в академических рамках критика «Русского богатства», Волынский довольно быстро переходил от этого теоретического замечания к мировоззренческим разногласиям с Вл. Соловьевым, которые в подцензурной печати следовало обозначать с известной долей осторожности. Упреждая будущие критические выпады в адрес Вл. Соловьева со стороны адептов «религиозной революции», Волынский предъявлял философу главное обвинение – по его мнению, автор «Оправдания добра» хотел соединить дух Евангелия с признанием сложившихся «исторических» форм государственности и церковности. Критикуя отвлеченный, «бесплотный» идеализм (этот ярлык Волынский почему-то принимает на свой счет), Вл. Соловьев, по мнению критика, «упускает из виду» наличие неорганизованной, то есть не введенной в формы государственности, «жалости», равно как и существование «удаляющегося от всякой организации» благочестия⁴¹. Спор Волынского с Вл. Соловьевым в этом пункте воспроизводил полемику 1830-х годов «левого» и «правого» направлений гегельянства: спор тех сторонников Гегеля, кто считал, что мировой дух нашел свое выражение в конкретных формах государственного устройства, и тех, кто полагал необходимым диалектическое снятие наличного бытия в виде отрицания исторически утвердившихся

³⁸ См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 290.

³⁹ «Его журнальные статьи и заметки, с несложным содержанием, осветились либеральным огоньком, при чем само богословие послужило орудием для разрешения некоторых гражданственных задач. Таким образом, в лице г. Соловьева либеральная печать как бы сделала неизбежную уступку новому умственному движению, которое выражает потребность общества в более утонченных аргументах для своих прогрессивных стремлений. При этом оказалось, что философия вовсе не объясняет старых жизненных понятий и при своей метафизической превьспренности является стихией невинных добродушных мечтаний, которые нежно обвивают вековые твердыни и святыни общественного строя» [15, с. 289–290].

⁴⁰ См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 290–291.

⁴¹ Там же. С. 294.

государственности и церкви. Как утверждал Волынский, «идеальное начало жизни создает и разрушает каждую форму, и если создание форм есть акт воплощения божества в явлении, то разрушение этих форм может быть названо возвратом явления к своему первоисточнику, освобождением разумного духа от ограничивающих его материальных организованных сил» [15, с. 295].

Любопытно, что воспроизведение логики этого спора выводит Волынского к теме отношения к Сократу. На страницах своей книги, в главе 11, Вл. Соловьев подверг сомнению правомочность с философской точки зрения радости Сократа по поводу грядущей смерти. По мнению Вл. Соловьева, в самой этой смерти, несмотря на ее героический ореол, не было ничего радостного. Приближающаяся смерть должна была вызывать у великого греческого философа «двойную печаль» – как следствие незаконного смертного приговора и как знак «торжества слепой и бездушной силы ядовитого вещества над живым организованным телом, в котором воплощается разумный дух». Для Волынского Сократ был «настоящим героем, возвещавшим приближение новой эпохи в человеческой истории»⁴², а «неорганизованное, свободное от идолопоклонства благочестие», равно как и «живая жалость» к людям, и «утонченно-нравственный стыд», в совокупности «создают основу для самых широких социальных и нравственных мечтаний и надежд, которые в своей совокупности образуют идею царства божия на земле»⁴³. После смерти Сократа «причастие и постепенное причащение людей к совершенству стало мыслью – освободительную мыслью – для новой религиозной и нравственной работы»⁴⁴. Возражения Волынского в точности совпадали с тем, что станет писать о Вл. Соловьеве после перехода на революционные позиции Мережковский. Автор «Немого пророка» (1908 г.)⁴⁵, вслед за обозревателем «Северного вестника», утверждал, что Вл. Соловьев был слишком привязан к наличным формам государственности и церкви и поэтому не сумел оценить революционную силу идеи богочеловечества, идеи царства Божьего на земле. В каком-то смысле в этом намечающемся расхождении Вл. Соловьева с религиозными идеалистами, непризнанным предтечей которых стал отколовшийся от символизма и модернизма в 1897–1898 годах критик «Северного вестника», проявился тот кризис гегелевского идеализма, который в 1840-е годы развел по разные стороны идейных баррикад Грановского и Герцена, Каткова и Бакунина. Различие состояло только в том, что в конце XIX века сила отрицания в качестве своего оружия выбрала не нигилизм и нравственный эгоизм, а христианский идеализм и впоследствии концепцию религиозной революции. В определенном смысле появление подобного критического идеализма явилось следствием общественно-религиозной проповеди Вл. Соловьева, а также, разумеется, Л.Н. Толстого: подлинно хри-

⁴² См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 296.

⁴³ Там же. С. 297.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Мережковский Д.С. Немой пророк // Речь. 1908, 10 (23) августа. № 190. С. 3 [16].

стианская религиозность (в разном ее понимании) перестала ассоциироваться с лояльностью земным властным институтам, но оказывалась основанием их жесткой критики.

В целом жесткая критика нравственной философии Вл. Соловьева с «левого» и «правого» флангов общественной мысли (при почти полном равнодушном молчании либерального центра) свидетельствовала не только о том, что публика ценила в нем критика славянофильства, но и о том, что его самостоятельные философские взгляды ее не интересовали. Проблема состояла, на наш взгляд, еще и в том, что в неожиданной для либерального публициста того времени апологии государственности и войны публика усмотрела некий политический маневр, рассчитанный, в том числе, и на сближение с властью, и этот маневр был оценен, по крайней мере критиками «слева», как недопустимый и морально не позволительный компромисс.

Список литературы

1. Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны» // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 32–58.
2. Соловьев Вл. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. Кн. 12. Декабрь. С. 536–569.
3. Скриба [Соловьев Е.А.] Литературная хроника // Новости и Биржевая газета. 1896, 19-го декабря. № 350. С. 2–3.
4. От редакции // Новости и Биржевая газета. 1891, 16 июля. № 194. С. 2.
5. Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 20 марта. № 78. С. 2–3.
6. Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 27 марта. № 85. С. 2.
7. Андреевич (Соловьев Е.А.) Книга о Максиме Горьком и А.П. Чехове. СПб., 1900. 259 с.
8. Соловьев Е.А. (Андреевич) Антон Павлович Чехов. Критический очерк [Электронный ресурс] // А.П. Чехов: pro et contra. М.: Изд-во: РХГА, 2002.
9. Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Об антихристе и других странных вещах и между прочим об «Истории новейшей русской литературы» А.М. Скабичевского // Жизнь. 1900. № 3. С. 285–311.
10. Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Владимир Сергеевич Соловьев // Жизнь. 1900. № 9. С. 376–398.
11. <«Оправдание добра» Вл. Соловьева> – Философия – Библиографический отдел // Русская мысль. 1897, Май. № 5. III паг. С. 205–211.
12. Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева. СПб., 1897) // Русское богатство. 1897. № 10. II паг. С. 34–52.
13. Колмаков В.Б. Ценность жизни в русском позитивизме. П.В. Мокиевский, И.И. Мечников // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. 2016. № 1. С. 22–40
14. Мокиевский П.В. К характеристике современных течений (Николай Бердяев. – Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1908) // Русское богатство. 1908. № 2. II паг. С. 59–73.
15. Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра» // Северный вестник. 1897. № 11. I паг. С. 289–297.
16. Мережковский Д.С. Немой пророк // Речь. 1908, 10 (23) августа. № 190. С. 3.

References

(Sources)

Individual works

1. Andreevich < Solov'ev, E.A.> *Kniga o Maksime Gor'kom i A.P. Chekhove* [The book about Maxim Gorky and A.P. Chekhov]. Saint-Petersburg, 1900. 259 p.
2. Andreevich < Solov'ev, E.A.> Ocherki tekushchey russkoy literatury. Ob antikhriste i drugikh strannykh veshchakh i mezhdru prochim ob «Istorii noveyshey russkoy literatury» A.M. Skabicheskogo [Essays on current Russian literature. About the Antichrist and other strange things, and by the way about the “History of Modern Russian Literature” by A.M. Skabicheskoy], in *Zhizn'*, 1900, no. 3, pp. 285–311.
3. Andreevich < Solov'ev, E.A.> Ocherki tekushchey russkoy literatury. Vladimir Sergeevich Solov'ev [Essays on current Russian literature. Vladimir Sergeevich Soloviev], in *Zhizn'*, 1900, no. 9, pp. 376–398.
4. Merezhkovskiy, D.S. Nemoi prorok [The Dumb prophet], in *Rech'*, 1908, August 10 (23), no. 190, p. 3.
5. Mokievskiy, P. «Dobro» g. Vladimira Solov'eva (Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya Vladimira Solov'eva. SPb., 1897) [“The Good” by Mr. Vladimir Soloviev (The Justification of Good. Moral Philosophy of Vladimir Soloviev)], in *Russkoe bogatstvo*, 1897, no. 10, pp. 34–52.
6. Mokievskiy, P. K kharakteristike sovremennykh techeniy (Nikilay Berdyaev – Novoe religioznoe soznanie i obschestvennost'. SPb., 1908) [On the characteristics of modern trends (Nikolai Berdyaev. – New religious consciousness and the public. St. Petersburg, 1908)], in *Russkoe bogatstvo*, 1908, no. 2, pp. 59–73.
7. <«Opravdanie dobra» Vladimira Solov'eva > – Filosofiya – Bibliograficheskiy otdel [“The Justification of Good” by Vladimir Soloviev – Philosophy – Bibliographic Section], in *Russkaya mysl'*, 1897, May, no. 5, pp. 205–211.
8. Ot redaktsii [From the Editorial Board], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1891, July 16, no. 194, p. 2.
9. Skriba <Solov'ev, E.A.> Literaturnaya khronika [Literary chronicle], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1896, December 19, no. 350, pp. 2–3.
10. Skriba <Solov'ev, E.A.> «Opravdanie dobra» Vladimira Solov'eva [“The Justification of Good” by Vladimir Soloviev], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1897, March 20, no. 78, pp. 2–3.
11. Skriba <Solov'ev, E.A.> «Opravdanie dobra» Vladimira Solov'eva [“The Justification of Good” by Vladimir Soloviev], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1897, March 27, no. 85, p. 2.
12. Solov'ev, E.A. (Andreevich) Anton Pavlovich Chekhov. Kriticheskiy ocherk [Anton Pavlovich Chekhov. Critical essay], in *A.P. Chekhov: pro et contra*. Moscow: Izdatel'stvo RKhGA, 2002.
13. Volynskiy, A. Literaturnye zametki. «Opravdanie dobra» [Literary notes. “The Justification of Good”], in *Severnyy vestnik*, 1897, no. 11, pp. 289–297.

(Articles from Scientific Journals)

14. Kolmakov, V.B. Tsennost' zhizni v russkom pozitivizme. P.V. Mokievskiy, I.I. Mechnikov [The Value of life in Russian positivism. P.V. Mokievsky, I.I. Mechnikov], in *Vestnik VGU: Philosophy*, 2016, no. 1, pp. 22–40.
15. Mezhuiev, B.V. Dvizhenie vpravo: Vl. Solov'ev i ego «Smysl voyny» [Moving right: V. Soloviev and his “The Meaning of War”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 3(63), pp. 32–58.
16. Solov'ev, Vl. Ekonomicheskiy vopros s нравstvennoy tochki zreniya [The Economic Question from a Moral Point of View], in *Vestnik Evropy*, 1896, no. 12, December, pp. 536–569.